

А. Г. Володин¹**ЯПОНИЯ И ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ:
ГЕОЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИНТЕРЕСЫ РОССИИ²**

Активизация «курильской проблемы» между Россией и Японией в конце 2018 года вновь обострила полемику о необходимости выстраивания Россией более четкой, выверенной политики в отношении Японии, в том числе в Центральной Азии. Исходя из долгосрочных геополитических интересов, Россия вновь активизировала свою экономическую деятельность в Центрально-Азиатском регионе (ЦАР). Наша страна действительно развивает интеграционный проект ЕАЭС. Российская дипломатия, действуя на центральноазиатском направлении, вынуждена учитывать рост влияния Китая в ЦАР, проявляющийся, в частности, в обострении соперничества отечественных и китайских компаний. В то же время ЦАР стал полем деятельности и других азиатских игроков. Первое место в этом списке уже довольно долго занимает Япония.

Сама Центральная Азия важна для укрепления геоэкономических позиций России. Особую значимость ЦАР приобрел в свете «санкционного противостояния» с Западом. Альтернативные интеграционные проекты, строящиеся на принципах «свободной геометрии» международных отношений, представляют собой всекий «экономический аргумент» российской дипломатии. По мнению автора, логика развития геоэкономических и геополитических процессов в ЦАР делает Россию и Страну восходящего солнца естественными стратегическими партнерами.

В середине 1980-х годов Гельмут Шмидт, тогда уже бывший канцлер ФРГ, назвал Японию «экономическим гигантом и политическим карликом». Один из наиболее крупных политиков послевоенной Западной Европы, как представляется, имел в виду недостаток воли у правящих кругов Страны восходящего солнца превратить Японию в одно из главных «гравитационных полей» мировой системы. Распад биполярного мира, геополитическое возвышение Китая, самоутверждение «новых региональных лидеров» — эти и другие обстоятельства побудили официальный Токио пересмотреть свои геополитические установки, в частности не критическое отношение к действиям США и мотивам поведения Америки, и сформулировать собственное видение мировых и региональных проблем, так или иначе затрагивающих жизненные интересы Японии.

¹ Главный научный сотрудник — руководитель группы Центра проблем развития и модернизации Института мировой экономики и международных отношений РАН, профессор Дипломатической академии МИД России, доктор исторических наук. Автор научных публикаций по внешней и внутренней политике Южной и Центральной Азии, геополитике в регионе, анализу конфликтов и различных аспектов гражданского общества, в т. ч. монографий «Россия в полицентричном мире», «Политическая экономика демократии» и др.; статей «Активность Индии в Арктике и Антарктике», «Внешняя политика Индии: смена парадигмы», «Дональд Трамп: назад в будущее» (в соавт.), «Индия в мире регионализации», «Крым, Курилы: без права передачи» (в соавт.) и др.

² Исследование выполнено в Национальном исследовательском институте мировой экономики и международных отношений им. Е. М. Примакова РАН по гранту Российского научного фонда (проект № 14-28-00097).

В своем внешнеполитическом планировании официальный Токио стремится: 1) учитывать общие тенденции геополитического мышления в ведущих государствах мира; 2) решать по-своему, по-японски текущие и перспективные задачи, вытекающие из динамичной перегруппировки геополитических сил в центральной части Евразии. Думается, ЦАР видится правящим кругам Японии идеальным пространством апробации своих новых геополитических концепций.

Уже в конце 1980-х годов, когда силы, скреплявшие Советский Союз, обнаружили явную тенденцию к необратимому истощению, в западной исторической и политической мысли возникло устойчивое представление о «центральности» тогдашней советской Средней Азии, опиравшееся: 1) на исключительную благоприятность географического положения ЦАР в Евразии (возрождение идеи Великого шелкового пути); 2) наличие значительной (имеющей международное значение) минерально-сырьевой базы, включая энергоносители (ретроспективный анализ показывает: запасы минеральных ресурсов в регионе оказались несколько преувеличенными).

При анализе поведения Японии в странах ЦАР необходимо учитывать фактор «третьей силы»; иными словами, непрекращающееся соперничество Токио и Пекина, которое помимо Юго-Восточной Азии и Дальнего Востока начинает вовлекать в свой «круговорот» и другие регионы, включая Центральную Азию.

Можно утверждать: после распада СССР на постсоветском пространстве Япония действовала осмотрительно и осторожно, тогда как в 1990-е годы наибольшую активность в Центральной Азии проявляли США, КНР и Индия. Однако впоследствии, уже в 2000-е годы, Япония невольно (поскольку страна сознательно дистанцировалась от «цветных революций» в регионе) оказалась в роли «надежного» партнера государств Центральной Азии. Видимо, активность Японии стимулировалась изнутри ЦАР: рост китайских инвестиций и опасения элит центральноазиатских стран, вызванные активной деятельностью соседней страны-гиганта, породили желание сбалансировать влияние Поднебесной за счет постоянного диалога не только с Россией и Индией, но и со Страной восходящего солнца. Поэтому выглядит логичной обозначившаяся с начала 2000-х годов линия Токио, гибко сочетающая многосторонние форматы отношений в регионе ЦАР с двусторонними связями, учитывающими своеобычные историко-культурного опыта отдельных центральноазиатских стран и особенности их взаимодействия друг с другом. «Руководство Японии, — полагает специалист-международник Я. О. Захарьев, — прекрасно понимает, что в ближайшие десятилетия регион будет находиться под мощным влиянием китайских и российских интересов. ... Токио планирует укрепиться в старых нишах [экономики] и активно ищет новые пути для диалога в ЦА. Японским компаниям за пери-

од 1993–2016 годов удалось профинансировать более 120 программ регионального партнерства между Токио и каждой страной региона»¹. Важно помнить: Япония, безусловно, координирует свой курс в ЦАР с США, однако опасения относительно «чувствительной» реакции Китая заставляют японцев проводить взвешенную политику.

Эксперты отмечают: Япония — надежный партнер для государств ЦАР; отношения Японии и центральноазиатских республик выстраиваются по более логичной схеме, нежели связь Китай–ЦАР, нередко обремененные пересматриваемыми время от времени договорами, изменением условий сделок и т. п. В сущности, экономические отношения со странами ЦАР для Японии представляют своеобразную «мягкую силу», поскольку положительно влияют на образ Страны восходящего солнца в регионе. Япония особо заинтересована в углеводородах Туркменистана. Местные власти рассчитывают, что в недалеком будущем общий объем японских инвестиций в Туркменистане достигнет 18 млрд долларов². Однако пока подобные заявления выглядят гипотетично.

Все больший интерес у японских правящих кругов и экономической элиты вызывает Узбекистан. К уже имеющимся совместным проектам по переработке урана, в железнодорожном транспорте, горном деле, автомобилестроении, телекоммуникациях, электронике, текстильной промышленности добавились начинания в сфере энергетики. Японские компании, как полагают в Ташкенте, готовы инвестировать в разработку новых газовых месторождений³. Наконец, Росатом может вступить в конкуренцию с Toshiba (владеющей американской корпорацией Westinghouse) за строительство АЭС в Казахстане, либо в республике будут две АЭС, построенные соответственно по российской и японской технологиям.

Токио, как отмечают эксперты, включился в реализацию газотранспортного проекта ТАПИ (Туркменистан–Афганистан–Пакистан–Индия), а это очевидная неудача для Китая, который рассчитывал на исключительные права в разработке месторождения «Галкынш». Заметно, что во внешнеполитической стратегии Японии в ЦАР центральная роль принадлежит Туркменистану, Казахстану и Узбекистану, тогда как Таджикистан и Киргизия образуют своеобразную «периферию» пространства интересов Страны восходящего солнца. Политическое присутствие в Центральной Азии необходимо Японии для: 1) геополитического «балансирования» Китая и 2) повышения своего статуса «державы критической массы» в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Утверждение же о реализации Японией геополитических интересов США в Центральной Азии носят, на наш взгляд, излишне прямолинейный характер и не фундированы «документально».

Если попытаться сформулировать целостное видение политики Японии в Центрально-Азиатском регионе, то выделяются следующие стратегические/долгосрочные направления.

Во-первых, укрепление своих политических позиций в ЦАР с учетом стремления элит центральноазиатских государств максимально усложнить «уравнение геополитических сил» в регионе. Расширение состава ансамбля участников политических процессов в ЦАР (Россия, Китай, Индия, Иран, скованные в своих действиях латентной гражданской войной в Афганистане США, потенциально Пакистан) за счет Японии предоставляет элитам Туркменистана, Узбекистана, Казахстана, а также Киргизии и Таджикистана определенную свободу маневра в отношениях с великими державами и теоретически снижает риски деструктивных действий извне, например угрозу «цветных революций».

Во-вторых, заинтересованность Японии в странах ЦАР как в потенциальных участниках *транспортной революции* в Евразии по модели, исключавшей доминирование в данном процессе какой-либо одной страны (в настоящее время — Китая).

В-третьих, содействие *экономическому развитию* (то есть экономическому росту, сопряженному с максимальной занятостью и относительно равномерным распределением национального дохода), который является фундаментом работоспособных политических институтов и *секуляристской* формы государственности. Поэтому можно, хотя и с оговорками, согласиться с мнением Д. В. Зеркалова: «Именно в Центральной Азии благодаря ее уникальному геополитическому расположению на стыке многих регионов, в самом центре Евразийского континента, деятельность Японии приобрела особенное значение в XXI веке, которое будет определять ее положение не только в системе японо-американских отношений, в АТР и Центральной Азии, но и в мире в целом»⁴.

Общая стратегия Японии в Центральной Азии насыщена нюансами, которые придают политике Токио в ЦАР черты, позволяющие говорить о своеобразной большой игре, которая разворачивается в Евразии между второй и третьей экономиками мира. С одной стороны, Япония не может «фанатично» и зеркально отвечать на каждую геоэкономическую инициативу Поднебесной в Азии. В самом деле Страна восходящего солнца не располагает лишними 240 млрд долларов на инфраструктурные проекты, включая модернизацию портов и строительство судоходных каналов, в рамках китайского проекта «Один пояс — один путь». Тем не менее Токио своими действиями демонстрирует присутствие в Центральной Азии, стимулируя в регионе развитие добывающей и обрабатывающей промышленности. Одновременно японские фирмы успешно модернизируют порты и портовые сооружения в Бангладеш, демонстрируя тем самым способность *асимметрично* отвечать на геоэкономический «активизм» Китая в Центральной Азии, становясь тем самым значимым игроком в ЦАР. Такого рода стратегическая линия связывается аналитиками с деятельностью нынешнего премьера Японии С. Абэ⁵.

¹ <https://creativeconomy.ru/lib/37965>.

² rusplt.ru/world/rossiya-teryayet-soyuznikov-v-asii-19452.html.

³ russians.kz.info/politics/7387/tokio-zadel-interesy-pekina-v-centrfnnoy-asii-yaponiya-vklyuchaetsa-v-borbu-za-vliyanie-v-regione.html.

⁴ <https://textbooks.studio/uchebnik-mejdunarodnie-otnosheniya/politika-yaponii-tsentralnoy-24748.html>.

⁵ <https://thediplomat.com/2015/107/japans-strategy-for-central-asia>.

Видимо, частью большой игры Японии и Китая в Евразии станет политика транспортировки нефти и газа из Казахстана, Узбекистана и Туркменистана к побережью Японского моря. Японские эксперты-энергетики отмечают: если в будущем и будет создана трубопроводная система для транспортировки нефти и газа в Страну восходящего солнца, то маршрут из Центральной Азии будет проложен не через Иран, Пакистан или Китай, энергоносители пойдут по сибирскому «тракту». При этом «сложные» («uneasy») политические отношения между двумя странами не повлияют на тонус экономических отношений Токио с Москвой¹.

Важное значение для политики Японии в ЦАР имеет, если так можно выразиться, ее культурно-психологический контекст; иными словами, отношение обществ стран Центральной Азии к Стране восходящего солнца, а равно и к целям ее политики в регионе. Так, данные социологического опроса, проведенного в Узбекистане, Казахстане, Киргизии и Таджикистане по заказу Министерства иностранных дел Японии, выявили следующие тенденции (декабрь 2015 — январь 2016 г.).

Во-первых, благожелательно к Стране восходящего солнца относятся 89 % респондентов.

Во-вторых, Япония (что естественно) пока отстает по значимости (25 %) от других партнеров центральноазиатских государств: России (75 %) и Китая (49 %).

В-третьих, Япония (63 %) отстает только от России как надежный партнер центральноазиатских государств (данные в процентах по России в материалах обзора не приводятся).

В-четвертых, 75 % респондентов положительно оценивают взвешенный характер внешнеполитического курса Японии.

В-пятых, Япония рассматривается респондентами как «страна с сильной экономикой и развитой технологической основой хозяйства» (63 %), тогда как 35 % опрошенных считают Страну восходящего солнца «обществом великой традиции и культуры»².

Центральноазиатские элиты сознают: Япония не преследует цели бросить вызов влиянию Китая и (или) России в их регионе. Тем не менее Япония рассматривается властями государств ЦАР как полезный дополнительный участник социально-экономических и политических процессов в регионе, способный и усложнить уравнивание геополитических сил в Центральной Азии, и помочь новым независимым государствам выйти на траекторию устойчивого экономического роста. Можно сказать, что Япония упорно отвоевывает для себя важные инвестиционные ниши в экономике стран ЦАР, тем самым строя *коридоры роста и регионального сотрудничества*.

Развитие событий в Центральной Азии в последние два-три года позволяет предположить: в данном регионе формируется своеобразный геополитический треугольник «Москва–Пекин–Токио», функции которого пока не отработаны, и роли для действующих лиц все еще не написаны и не распределены. Такая неопреде-

ленность в конечном счете вытекает из отсутствия ясных представлений, прежде всего у официального Токио, о той роли, которая будет уготована Центральной Азии в общей стратегической линии внешней политики Японии в годы новой премьер-министерской «легислатуры» Синдзо Абэ. Иначе говоря, общая цель — «Япония — мировая держава» — сформулирована, тогда как инструменты (средства) ее достижения пока не изготовлены. Целесообразно напомнить: Страна восходящего солнца 70 лет вынужденно пребывала в состоянии всеобъемлющей неокOLONиальной зависимости, в то время как внешнеполитический курс С. Абэ (стратегическая автономия) в качестве основного предварительного условия предполагает *независимый образ политического мышления*. Неудивительно поэтому, что корабль японской внешней политики движется неспешно, порой на ощупь, постепенно отвоевывая для себя новые важные пространства.

Хорошо известно, что главным полем японо-китайской большой игры остается пространство АСЕАН. Двумя другими зонами большого соперничества являются Дальний Восток и Центральная Азия. И если на дальневосточном дипломатическом театре пока без перемен (отсутствие концептуального сдвига в российско-японских отношениях), то в Центрально-Азиатском регионе японская дипломатия в последние 10–12 лет получила значительную свободу политического маневра. И эта свобода, как представляется, в значительной мере связана с естественно существующими между различными региональными и внерегиональными игроками (государствами) противоречиями относительно движущих сил и бенефициаров грядущей транспортной революции в Евразии.

Информированные источники в связи с этим сообщают, что во внешнеполитической стратегии Японии перспективные инвестиции в развитие инфраструктуры российского Дальнего Востока тесно сопряжены с интересами Казахстана и других государств ЦАР. Ставшая более «пластичной» позиция Японии по заключению мирного договора с Россией, как отмечается, преследует цель лишить Китай надежного геополитического тыла в сложных отношениях со Страной восходящего солнца. Сходной тактической линии Токио придерживается в отношениях с центральноазиатскими элитами, опасаящимися Китая, «нависающего» своей экономической и военной мощью (не говоря уже о демографическом потенциале) над бывшими советскими республиками Средней Азии.

Расширение аэропорта «Хабаровск», другие инвестиционные проекты (включая сферу энергетики) на Дальнем Востоке призваны продемонстрировать внешнему миру (и прежде всего Китаю): 1) зримое присутствие Японии на пространстве от Ашхабада до Владивостока и 2) активное участие в транспортных проектах в Евразии (то есть диверсификацию источников получения энергоносителей), тем самым сознательно отделяя сложную политическую проблематику («территориальное размежевание» с Россией) от внешнеэкономических связей, выступающих в данном случае в ипостаси геостратегического балансирования Китая: как в Центральной Азии, так и в Сиби-

¹ <https://www.files.ethz.ch/isn/145121>.

² www.mofa.go.jp/press/release/press4e_001111.html

ри и на Дальнем Востоке. Возможное инвестиционное участие японских фирм в модернизации Транссибирской магистрали облегчит доступ Стране восходящего солнца в Центральную Азию, станет эффективным балансиrom инициатив — проектов Шелкового пути и в конечном счете сделает Токио весомым участником продолжающейся (хотя и в новом составе) геополитической большой игры в Евразии¹.

О готовности Токио участвовать в большой игре в Евразии свидетельствует также возросший интерес японских горнорудных компаний к минеральным ресурсам Казахстана (в том числе редким металлам): освоение богатых не только редкоземельными элементами месторождений в районах Караганды и Кустаная (с их последующей транспортировкой в Японию в обход Китая) укрепит и договорные позиции политического руководства в Астане, в частности на переговорах с КНР по другим проблемам.

Дипломатия С. Абэ нередко характеризуется как преимущественно экономическая. Этот подход к столь сложной проблематике представляется излишне прямолинейным. Тем не менее у японского премьера есть мощный финансовый аргумент в пользу эконом-ориентации внешней политики. На счетах граждан Японии в национальных банках страны размещены финансовые ресурсы, эквивалентные 17 трлн долларов. Хотя бы частичная конвертация этих ресурсов в прямые японские инвестиции поможет Стране восходящего солнца решить те геополитические проблемы и задачи, которые накапливались в течение последних семи десятилетий. Инвестиционную емкость традиционных регионов деятельности Японии (Дальний Восток, Юго-Восточная Азия, Австралия, США, некоторые страны ЕС) едва ли удастся увеличить, поскольку они в основном достигли естественного предела насыщения. Инвестиционные рынки Африки отличает непостоянство, частично связанное с переменчивостью внутривнутриполитической ситуации в странах континента. Важным стратегическим и инвестиционным партнером остается Индия. Здесь японские прямые инвестиции к 2020 году, как полагают, достигнут 35–40 млрд долларов.

Центрально-Азиатский регион через транссибирский коридор становится и выгодным, и относительно безопасным пространством для японских инвестиций. Тем более что дипломатия Абэ попутно решает важнейшие, экзистенциальные для Японии задачи:

включение в большую игру, активное участие в транспортной революции в Евразии и асимметричный ответ на воображаемые или реальные угрозы со стороны третьих стран. Таким образом, происходит естественное и объективное складывание неформального геополитического треугольника «Россия — Япония — Центральная Азия». Можно предположить: наше взаимодействие в ЦАР может в определенной степени снизить остроту восприятия проблемы северных территорий в японском общественном сознании.

* * *

И Россия, и Япония заинтересованы: 1) в отсутствии доминирующей *внешней силы* в Центральной Азии; 2) укреплении политэкономических основ *светской/секулярной* государственности и институтов политического представительства в странах Центральной Азии; 3) эффективном противодействии силам радикального политического ислама и международного терроризма в ЦАР. Иными словами, Москва и Токио, реализуя собственные геополитические стратегии, объективно (то есть вне зависимости от характера их двусторонних отношений) заинтересованы в успешной деятельности партнера в Центральной Азии.

Исходя из вышесказанного, стоит выделить несколько стратегий для выстраивания долгосрочной политики России в Центральной Азии с учетом интересов Японии в данном регионе.

1. России следовало бы поощрять внешнеэкономическую деятельность Японии в Центральной Азии за счет создания *трехсторонних* промышленных и транспортных проектов — там и тогда, где и когда существует общее согласие для совместной деятельности.

2. Видимо, стоило бы вернуться к идее совместной модернизации и совместной эксплуатации Транссибирской магистрали, которая значительно облегчит выход Японии в Центральную Азию и страны Западной Европы.

3. Целесообразно подробнее ознакомиться с идеями правящих кругов Японии относительно транспортной революции в Евразии и в случае совпадения базовых представлений сторон сформировать совместное видение развития средств сообщения (включая трубопроводные системы), не обязательно совпадающие с концепцией Шелкового пути.

¹ Globalriskincights.com/2016/11/japan-faces-russia-pathcentral-asia.